

В.И. Самохвалова

**Полиmodelьность истолкования мира.
Творческий человек в разных парадигмах***

Современный человек знает достаточно много, чтобы предполагать возможность альтернатив возникновения и развития мира. В то же время человек еще столького не знает, что не может быть уверен в действительной достоверности своих знаний; иными словами, он знает слишком мало, чтобы считать, что уже обладает *истиной*. Сама множественность возможных парадигм и показывает, что пока ни одна из них не позволяет ему окончательным и исчерпывающим образом объяснить мир в его замысле, смысле, гармонии и логике развития. И потому человек, подобно своему Творцу, и сам творит – и свой особый мир, и даже целые миры, «строя» законченные вселенские системы. Очевидно, эволюция человека всё еще не закончена. Он – становящееся существо и как таковое ищет путей развития, и должен быть готов (и терпим) к открытию истины, с какой бы стороны ее поиск ни велся. Его толерантность к иному определяет то, что он способен не только принимать сосуществование разных парадигм объяснения мира, но и одновременно жить в этих разных парадигмах, принимая эту полиmodelьность и когнитивно, и психологически, и экзистенциально. Без подобной открытости к различным путям понимания и объяснения мира, к самой его многомерности и, возможно, многовариантности невозможно искание и нахождение истины.

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 06-3-00009а.

Создавая свою версию космогонического процесса, человек стремится не только отразить собственное видение и понимание мира, но и выстроить гармонию себя и мира, ибо она оказывается достижимой на разных основаниях. В его построениях находит отражение его представление о порядке мира, о собственном в нем месте, о том, зачем он, человек, пришел (или был приведен) в этот мир.

Как правило, человек не существует вне системы мира, он должен видеть (мысленно) его в его целом, имея возможность сконструировать свою модель мира как связно выстроенную конструкцию — с определенным происхождением, структурой, законами функционирования, с объяснением происходящих в нем изменений. Это есть вопрос и гносеологического порядка, ибо человек должен объяснить для себя мир, чтобы адаптироваться к нему и действовать в нем эффективно, и вопрос психологической устойчивости, в поисках которой человек стремится к построению стабильной системы и встраиванию в нее.

В целом можно сказать, что к настоящему времени у человечества сложилось как минимум восемь разных космологических парадигм, в которых описаны созданные представлениями людей мира с разными космогониями, и в каждой из этих парадигм человек отличается занимаемым им особым местом. При этом искомую им гармонию с миром человек может выстраивать на совершенно разных основаниях. В целом это, безусловно, есть выражение мощи и поисковой вариативности заложенного в человеке познавательного и творческого начал.

Итак, основные позиции, по которым складывается модель мира в той или иной парадигме, касаются объяснения *происхождения мира; происхождения человека; его места в мире или занимаемого им уровня в иерархии живого; природы человека; способа и пути его развития (его «восхождения»); цели этого пути, цели развития (или результата развития) мира* и т.п.

1. Парадигма первая, эволюционистская. Это научно-материалистическая парадигма, парадигма «без Бога». В соответствии с ней вначале существовала некая точка, пребывающая неизвестное время в покое. Потом, также неизвестно, по какой причине, произошел Большой взрыв. Образовавшиеся сгустки материи начали разбегаться, но, сталкиваясь и скопляясь, образовывали

тела, из которых развились планеты и звезды, сложились системы типа, например, нашей Солнечной. Процесс этот не может быть бесконечным, ибо всё, что материально, имеет не только свое начало, но и свой конец. Закончив цикл развития, материя вновь стягивается к центру, происходит коллапс Вселенной, она спадается в точку. Через некоторое время начинается новый цикл развития. При этом не известно, каково (было или же *должно* быть) количество циклов, какова цель всего этого движения и есть ли вообще какая-либо цель в подобном процессе. Если в природе существуют определенные закономерности развития, то существует ли подобная (или какая-то другая) закономерность в циклическом процессе рождений и смертей Вселенной, к чему направлен данный процесс, и т.д.

Конечно, возникает вопрос, что могло вызвать взрыв точки? Ведь кроме нее *ничего* другого не существовало, поэтому следует исключить вероятность воздействия на нее извне (никакой внешний по отношению к ней агент не возможен). Трудно также предположить, что взрыв произошел в результате действия каких-то внутренних причин, ибо точка измерений не имеет, поэтому проблематично предполагать наличие в ней внутренних сил, столкновение которых привело бы к взрыву. Можно, правда, предположить наличие нематериальных, идеальных факторов, ибо идеальные тела в любом количестве способны занимать один и тот же объем; но тогда следует предположить, что идеальное было *по крайней мере* одновременным с материальным, а не стало результатом развития и усложнения материи.

Человек также появляется на Земле в результате развития материи; природа синтезирует живую клетку, живая материя развивается, начиная с протоклеток примитивной водоросли, усложняется, становится разумной, сознательной, способной к осознанию себя. В своем развитии человек проходит разные этапы превращения из обезьяны (разные ветви человекоподобных существ: кроманьонцы, неандертальцы и т.п.), однако между некоторыми из них не наблюдается связи и преемственности, обнаруживаются некие тупиковые ветви развития, не получившие дальнейшего развертывания; всё это делает непонятным процесс в целом и получение именно того результата, который мы имеем в настоящем. На Земле до сих пор существует несколь-

ко видов обезьян, однако человек произошел только из одной их ветви, что также делает непонятным существование различных человеческих рас (черная, коричневая, красная, желтая, белая). Если человечество постепенно дифференцировалось на разные расы, то *что* послужило толчком к этой дифференциации? Если предположить, что разные расы произошли из разных видов обезьян, то, очевидно, подобный процесс был в свое время достаточно обычен и неоднократен; однако почему (и когда) этот процесс прекратился и в настоящее время от обезьян никто не происходит?

В этой связи появляются разные, весьма эксцентричные предположения, что, возможно, человек произошел от «странной», т.е. неадекватной, обезьяны, которая пошла по энергетически неэкономичному пути (*вопреки* эволюции с жесткой логикой ее естественного отбора). Косвенным доводом в пользу возможной справедливости подобного предположения могут быть слова известного специалиста по генетике В.П.Эфроимсона, который на основе обобщения большого статистического материала утверждал, что большинство гениев, например, характеризуется гипоманиакальной депрессией и на высоте вспышки в направлении к маниакальной фазе у них наблюдается повышенная работоспособность, продуктивность. Возможно, первоначальный толчок к изменению мозговой деятельности в направлении психического развития был дан болезненным изменением или мутацией древнего человекоподобного существа. Тогда, в подобной парадигме, вполне возможно рассматривать человеческий разум как дитя *случая*, который человек сумел развить, потому что это было вызвано необходимостью приспособиться к миру в условиях окружения более сильными и более быстрыми, часто к тому же и хищными, животными.

Два разных полушария мозга за счет разных типов восприятия позволили человеку получать целостное представление о мире, что впоследствии позволило ему развить способности к самой разной деятельности. А глаза, смещенные у человека по сравнению с другими животными вперед, стали давать ему целостное и объемное видение мира. Существенным образом изменились и руки, когда предок человека сошел с дерева на землю. Его большой па-

лец стал смыкаться с остальными, что определило возможность использовать орудия и инструменты, а затем — в будущем — сформироваться руке художника и музыканта.

В какой степени в данном контексте человек есть венец природы, а в какой — лишь один из ее продуктов, появившихся в результате единого импульса волны земного монотенизма, о котором в своей книге «Феномен человека» писал П.Тейяр де Шарден, пока трудно судить с полной определенностью. Во всяком случае, человек оказался хуже остальных представителей земного царства живых существ приспособлен к жизни на планете и может существовать в довольно узком коридоре условий. Преимущество человека заключено в его языке, но и животные имеют свой язык, который прекрасно понимается ими в их среде. Животным также доступны известные переживания, предпочтения, примитивные формы мышления; они могут обладать зачатками характера; им свойственны и некоторые формы условно «творческого» поведения: игра, поиск, даже эксперимент. Животные располагают также определенными формами «социальности» с достаточно сложной системой иерархической организации, которая способна ими демонстрироваться, подтверждаться, воспроизводиться. Бесспорным отличием человека является, конечно, наличие в его языке особого уровня отвлечения от вещественного мира, способность к абстрагированию, способность воображения и, наконец, письменность, позволяющая закреплять и передавать достигнутые знания и опыт. Но как эти способности могли развиться на основе мозга обезьяны, которая сама (оставшись собой) не смогла прийти к чему-либо подобному путем своей *естественной* эволюции?

В целом данная парадигма, построенная при отсутствии Бога, характеризуется бытийным, познавательным, историческим оптимизмом. Человек в ней предстает как способный к безграничному развитию и совершенствованию, для него нет преград, нет невозможного. Мир познаваем, и в нем нет тайн, которые нельзя было бы — рано или поздно — открыть. Человек может всё, и он подобен воображаемому им богу (богам) в своей творческой потенции. Для реализации своего творческого потенциала он должен освободиться от химер сознания, рели-

гиозных предрассудков, лишаящих его свободы воли и свободы деятельности. Вся полнота ответственности здесь лежит на человеке, и только на нем. Ничего нельзя списать ни на бога, ни на несовершенство природы.

В качестве иллюстраций к данной парадигме можно фактически с равным основанием вспомнить и героев «Туманности Андромеды» И.А.Ефремова, и Мартина Идена Д.Лондона, и героев Н.Островского. Такой герой преодолевает себя и преобразует мир, покоряет стихии. В общем, это сильный, активный и дерзающий человек прометеевского (даже, возможно, богоборческого) типа, который чувствует себя способным в одиночку, без поддержки Бога (и часто просто не нуждаясь в этой гипотезе, как заметил в свое время по подобному поводу П.С.Лаплас), построить лучший мир, организовать его на своих, человеческих основаниях, он отважно устремлен в Космос, уверен в своей способности покорить его и не боится смерти, равно как не боится и жизни. Это «мобилизованный» человек. Его бессмертие — в его делах, его творчестве.

В целом центр внимания в данной парадигме смещен к будущему, и сама она ориентирована на прогресс как принцип движения и развития. Именно будущее развитие науки позволит ей достигнуть вершин знания, в будущем человек достигнет совершенства, постигнет истину, будущее общество будет построено на принципах добра и справедливости, недостижимых в настоящем. Творческим потенциалом в этой парадигме был пафос утверждения человека как он есть и каким должен быть с идеальной точки зрения на его человеческую природу.

2. Парадигма вторая, религиозная. Первой парадигме противостоит другая, *трансцендентно-креационистская*, которую столь же обобщенно можно назвать парадигмой «с Богом», ибо она основана на модели религиозного объяснения мира. Во главе мира в этой парадигме стоит Бог, Творец мира и Создатель человека; здесь имеются в виду мировые *монотеистические* религии: иудаизм, христианство, ислам. И хотя Бог непознаваем, непостижим по самой своей сути, однако человек не испытывает одиночества в мире, ибо связан родственной связью с самим Создателем, на которого может выходить в состояниях молитвы и творчества.

Данная парадигма избавляет мир от случайности его творения, необязательности эволюции, жестокости ее отбора. Она сообщает логику, цель, смысл процессу развития человека и даже процессу движения истории. Творчество Бога позволяет мыслить мир в его истинном, замысливаемом Им виде, не искаженном вносимыми в него неправильными действиями человека, его повседневной суетой. Идеальная модель мира, построенного на духовно-ценностных основаниях, требует от человека своеобразной дисциплины души, когда, по словам В.Соловьева, «личное самоограничение не есть отречение от личности, а есть отречение лишь от своего эгоизма». При этом и само бессмертие человека – в Боге. Как говорит Степан Трофимович из «Бесов» Ф.М.Достоевского: «Мое бессмертие уже потому необходимо, что Бог не захочет сделать неправды и погасить совсем огонь раз возгоревшейся к Нему любви в моем сердце... Если есть Бог, то и я бессмертен!».

Введение единобожия как бы «собирало» мир, поскольку чётко обозначало его бытийное единство, единство его происхождения и способа бытия, его порядка, обосновываемого как ценность с утверждением его обязательности и неизменности. В то же время это собирание мыслилось именно как духовное, ценностное, с четким акцентом на главенстве именно этого духовного мира, в то время как внешние события, при всей напряженности их живого бытия, представляли как знаки других, высших, имеющих отношение (и объяснение) к духовной сути мира. Именно в некоем иномерном метафизическом бытии и разыгрывается истинная жизнь ценностей и смыслов. «Корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных», – говорит старец Зосима в «Братьях Карамазовых» Ф.М.Достоевского. В этой парадигме открывается, что и сам человек есть существо метафизическое.

Человек, созданный после заселения Земли растениями и животными, получает растительный и животный мир для управления его бытием, но несет за него ответственность. В отличие от парадигмы «без Бога», где человек стал осуществлением возможности случая, в парадигме «с Богом» человек появляется закономерно, по творению самого Бога, и он столь же естественен и закономерен, как и всё остальное на Земле. Вклю-

ченный в единство мира, он обусловлен его предустановленным порядком. Никто в этой модели не свободен, но никто и небесприютен, ибо все неразрывно соединены с Богом. Человек не свободен в том смысле, что лишен неразумного своеволия, однако как любящий Бога он и не может желать свободы от Любящего и Любимого. Эта любовь есть и залог добра, которое человек призван нести в мир, ибо он с ним един, и нравственное обязательство не делать зла, которое наказуемо. Однако Бог-Отец и в этом случае не отворачивается от человека-сына и готов простить его, если тот искренне раскаивается в содеянном. В то же время человек не лишен определенной свободы воли, он может выбирать между добром и злом. Больше того, «человек ответствен не только за зло, источником или носителем которого он сам является, но и за царящее в мире зло, которому он не противодействует».

В рамках данной парадигмы рождалось и объяснение появлению в мире зла. Ведь с одной стороны, Бог просто не мог быть его источником или создателем. С другой же стороны, иного способа происхождения, кроме творения Богом, ни у чего в мире нет. Это объяснение четко вербализовано, в частности, Н.А.Бердяевым, который утверждал, что в процессе реализации божественного замысла исходные (замысливаемые) его формы могли подвергнуться деформации, поскольку косной материи трудно в точности следовать за тонкими движениями духа. Именно образовавшиеся при этом «зазоры» и стали тем путем, которым в этот мир проникло зло как явленное несовершенство вынужденного быть опредмеченным в материи духа. Кроме того, христианство и «демоническим энергиям» естественного отбора безжалостно действующей эволюции противопоставляло «милость к падшим», слабым, обиженным, «неадаптированным», став воплощением *возможности* справедливого устройства мира, где Богу (и мирозданию) одинаково близки и дороги все — праведники и грешники, святые и заблудшие, успешные и убогие.

Христианство показало и обосновало метафизическую ценность человеческого бытия, противопоставило вечность духовной жизни — преходящему характеру смертной природы, которую человек берет под свое покровительство. Христианство

открыло человеку новые измерения бытия и, объединив мир на основе духа, сообщило вертикальную тягу устремлениям человека, приподняв его от земли, открыв его душе Небо. Оно дало и саму парадигму ценностей, и образ идеального человека, сына человеческого, осознавшего в себе сына Божия и ставшего им. Учение Христа было дано человеку как алгоритм пути, как образец тех качеств, которыми должен обладать человек.

Само явление Христа произвело переворот в представлениях человека о самом себе. Раньше только Бог мыслился иномирным, человек же был «по сю сторону». Иисус Христос как воплотившийся в человеке Бог явил человечеству возможность «достижения» новой природы самого человека: не только Бог, но и человек имеет в себе кроме природы имманентно человеческой и природу иномирную. Как говорил сам Иисус: «Я пришел показать человеческие возможности. Творимое мною все люди могут творить». И именно творчество, способность к нему особо явили эту принадлежность человека миру иному, обозначили устремленность к нему. В творчестве, говоря словами Н.А.Бердяева, наглядно выступает это столкновение языческой имманентности человека — и его же христианской трансцендентности; ощущение полноты бытия — и недовольство конечным бытием, обусловившим устремленность его к новому, иному состоянию.

Постепенный переход к пониманию человека не как сына Божьего, а как «раба Божия» объясняется размыванием первоначального творческого посыла христианской религии. Человеку становится удобнее признать себя рабом, с чьей головы и волос не упадет без соизволения Бога, чем заявить себя Его сыном, несущим всю полноту ответственности за себя и свою жизнь, ее смысл и содержание. И ему легче спрятаться за крест распятого Христа, всё уже за него искупившего, чем иметь готовность и мужество самому нести — каждому, на свою собственную Голгофу, — *свой* крест.

В данной парадигме естественный детерминизм парадигмы предыдущей заменяется иным «детерминизмом». Если в парадигме «без Бога» всякое событие должно иметь свою причину, то в парадигме «с Богом» подлинной причиной всего, любого события и т.п. является субстанциальный деятель, который творит

нечто, стремясь к какой-то ценной с его точки зрения цели. Высшим субстанциальным деятелем, от которого исходит вся полнота творческой силы, является Бог. Выполняя функции защиты, удовлетворяя потребность в стабильности и неизменном порядке, которому все должны неукоснительно следовать, религиозная модель четко обозначала вектор движения человеческой жизни. Богом сотворенный, человек двигался в направлении к идеалу, к воссоединению с Богом в духе. Фигура Бога сообщала всей парадигме религиозной жизни установку на смысл, цель, истину существования. Это была программа восхождения (преобразования) человека, и вся картина мира приобретала глубокий смысл и гармонию.

Кроме глубоко религиозного чувства связи человека с миром и Творцом, признания наличия безусловных высших ценностей, ненарушимых нравственных заповедей, данная парадигма была в определенном смысле прагматической, поскольку помогала человеку определиться на всех уровнях его существования. И в определенном смысле «иррациональная» фигура Бога была вполне рациональным способом в попытке объяснить необъяснимое, дать доступное знание и необходимое утешение. В частности, человек просто многого о мире не знает и даже не представляет его себе в его действительном состоянии. Так, например, микролептонная теория в физике утверждает, что 70% всего вещества сосредоточено в вакууме и никак себя не проявляет. Не будучи объяснимо, подобное, тем не менее, существует. Всё непроявленное и необъяснимое человек списывает «по ведомству» Бога, ибо игнорировать это нельзя, в той же мере как пока нельзя и понять.

Креационистская концепция снимала многие темные места естественной, научно-материалистической модели мира, вносила известную рационализацию в понимание процесса космического развития. Введение этой иррациональной для атеиста фигуры было абсолютно рациональным приемом как для внесения порядка в мир и его понимания, так и для его объяснения в условиях, когда он не познан до конца, ибо признание непознаваемости вносит безысходность в познавательную деятельность человека, заставляет его думать о тщетности усилий. Потому, в частности, «если бы Бога не было, то Его следовало бы выдумать».

Действительно, диалог науки и религии, ставший основанием для своеобразного ренессанса идеи Бога, привел к признанию необходимости нового понимания самой духовности, которая может быть истолкована не только в религиозном и аксиологическом, но и онтологическом плане. Это означает, что существует некий вертикальный срез бытия, связующий по центральной оси все его планы. Показательно, что особое внимание к этой проблематике всё чаще проявляют физики-теоретики, занятые построением целостной физической картины мироздания и наталкивающиеся на вопрос о первопричине мира и его начале. В новой научной картине мира идея Бога преломляется как идея единого языка, на котором «написаны» все законы природы. При этом ученые ссылаются на мнение Ф.Бэкона, сказавшего, что лишь малое знание уводит от Бога, большое же знание ведет к Нему.

Творческий потенциал этой парадигмы проявляется в том, что в научное осмысление включаются новые для собственно науки семантические поля, соответствующие новым реальностям осмысления мира, которые выстраиваются из новых представлений, новых векторов, новых действующих факторов. Осваиваемое наукой понятие духовности выступает как необходимое измерение, которое сообщает смысловой объем, ценностную устремленность развитию человека, его познавательно-творческой деятельности и метафизическую глубину их пониманию. Вертикальные векторы Бога, духовности сообщают качественную бесконечность человеческому существованию, выводя его из сферы естественных ограничений, положенных человеческой природой, когда та рассматривается только в плане материального бытия.

Это особое измерение сообщало данной парадигме некое вневременное значение. Пространство совершенствования человека переносилось в идеальную плоскость, при этом в общем движении каждый, тем не менее, идет к Богу своим путем, индивидуально. Бог определяет некое метафизическое будущее, которое как бы внеисторично, безусловно ценностно. Движение совершается только в духе, и сама настоящая жизнь — лишь временная, являющаяся ступенью к будущей, настоящей и вечной жизни духовной.

3. Парадигма третья, языческая. Это парадигма *политеистическая*, т.е. парадигма «с богами», многобожная по существу, ее можно условно назвать *имманентно-креационистской*. Здесь возможны самые разные варианты, поскольку политеистические культы являются более древними и отчетливее носят обусловленный местом и временем характер. Так, это могут быть и традиционные языческие религии (включая древние египетские культы), и как бы переходные культы (например, древний митраизм), и шаманские культы, и различные системы иерархии богов и духов мест и стихий. Внутри этой парадигмы можно, с одной стороны, выделить как бы «земное» язычество, приближенное к непосредственной жизни человека, и, с другой стороны, как бы «космическое» язычество, достаточно безличный, своего рода условный космизм, где боги символизируют космические законы, общие принципы развития, те или иные объективные качества (как, например, в индуизме). В наше время мы видим оживление древних языческих культов в так называемом неоязычестве и своеобразное возрождение, актуализацию соответствующих им моделей объяснения структуры и порядка мира.

Своеобразием данной парадигмы является то, что Высшее начало здесь как бы рассредоточено между различными, «специализированными» (по тому или иному признаку) богами внутри пантеона (например, древнегреческий бог искусств Аполлон или покровитель торговли Гермес), возглавляемого тем или иным верховным богом. Так, например, в пантеонах древнегреческих, древнеримских и древних славянских богов верхнюю ступень главного бога занимают, соответственно, Зевс, Юпитер, Род. Это были либо боги управители, либо боги-творцы (Род). Для язычества – как славянского, так и японского синто (где всё окружающее наполнено богами), – было характерно одухотворение природы, обожествление жизни во всех ее проявлениях. При этом боги фактически не отличались от людей (кроме могущества и бессмертия), они были как бы имманентны природе человека, в отличие от монотеистических религий, где Бог «программно» трансцендентен человеку. В православии, неявно сохраняющем определенную преемственность между древними славянскими верованиями и христианством, Богородица во всех ее явлениях (Владимирская Богоматерь, Казан-

ская, Донская, Всецарица, Скоропослушница и т.д.) как бы наследует черты языческих славянских хранительниц жизни (Рожаниц). Восьмиконечный крест Богородицы заставляет вспомнить и восьмиконечную звезду как эмблему богини Иштар, которая, в свою очередь, была одной из ипостасей женского божества (силы), в разных культах носившего имя Астарты, Ашторет и т.д.

Всё это лишний раз указывает на взаимопреемственность между монотеистической религией и предшествующей ей формой язычества, что подтверждает в то же время некую *объективность* естественного восприятия мира в его структурном единстве. То же самое говорит П.Флоренский и относительно древнегреческого пантеона, где Зевса, Диониса и Посейдона следует рассматривать как обособившиеся впоследствии аспекты одного мужского божества, лежащего в основе всех трех лиц.

В то же время некоторые исследователи утверждают, что древняя религия славян (русов) была не политеистической, а монотеистической, поскольку во главе ее стоял всё же единый бог, творец мира (присутствующий в трех лицах – Триглав, аналог позднейшей Троицы, включающий три важнейших ипостаси своего проявления). Однако множество пантеистических элементов (боги-стихии выступают органической частью природы, являясь к тому же символами, а не воплощенными людьми, как, например, в греко-римском пантеоне) и религиозное восхищение перед силой и красотой природы заставляют причислять эту религию всё же к традиционно языческим.

Особое место занимает в ряду этих религий индуизм. Можно сказать, что здесь политеизм достигает предельной рационализации и четкости. Это даже не столько религия, сколько своеобразная космология и образная энциклопедия космических проявлений, своего рода символизированная запись знаний (представлений) о происхождении и порядке Космоса и Земли. В индуизме тысячи богов. При этом каждый олицетворяет определенное человеческое качество, доведенное до предельного выражения. Иными словами, бог выступает как выразитель и обладатель того или иного качества в его наивысшем проявлении. В то же время это и как бы развоплощенный человек во всех возможных проявлениях его безграничной при-

роды. Человек предстает как космически беспредельное существо, что делает возможным обоготворение человека, ибо между ним и богами нет непроходимой грани в «качестве» их природы. Просто у бога эта природа полнее выражена.

Древнюю космическую религию индуизма возглавляет триада (тримурти) главных богов: Брама, Вишну, Шива, каждый из которых олицетворяет один из аспектов жизни Вселенной. Если Вишну есть хранитель вселенной, то Шива воплощает в себе двойственность: разрушительный аспект мироздания, символизируемый им, уравнивается в то же время некоей охранительной мудростью, являя своеобразный «космический анализ». Космический цикл развития и разрушения представлен через магическую процедуру — космический танец Шивы, символизирующий и процесс пробуждения к жизни миров в начале каждого мирового периода, и их последующее разрушение. Брама же олицетворяет цикличность онтологического и логического следования циклов; так существуют понятия «День Браммы» и «Ночь Браммы». В индуизме, как и во всех религиях, тройственность расшифровывается как условное обозначение представления (или запись знания) о циклическом развитии мира. Триаде главных богов соответствует тройственность главных богинь: Сарасвати, Лакшми, Кали, которые, образуя пары, сообщают исполнительную силу, энергетическое измерение качествам богов: Сарасвати символизирует божественные энергии порождения, начала; Лакшми — сохранение и развитие; Кали — завершение, разрушение.

Триады символизируют сложное представление о строении Вселенной, о взаимодействии и взаимозависимости его проявленной и непроявленной части. Именно в непроявленной части скрыто Божественное Сознание, которое создает и поддерживает проявленную часть. С помощью особых творческих энергий, с помощью тантрических методов можно изменить и тело, и сознание. С помощью *пути* как средства спасения можно вырваться из бесконечного цикла перерождений и достигнуть освобождения.

В индуизме всякий осознанный и целенаправленный способ жизни, всё, доведенное до логического предела, есть путь. Путь — наука, путь — искусство, путь — тот или иной порок, если

человек сознательно, последовательно и целиком отдается ему, предельно воплощает его, т.е. реализует его «идеальное», как полное и совершенное в своем роде состояние. Здесь нет понятия рая и ада, однако есть понятие кармы как совокупности деяний человека (семьи, государства и т.д.), в котором определяется положительный или отрицательный «долг» человека перед космосом. Каждый, сознательно следующий своим избранным путем, может именоваться йогом.

Выделение языческой модели в особую парадигму определяется тем, что в настоящее время о ней вполне можно говорить как об актуально действующей. Для этого существует по меньшей мере две главные причины. Первая порождена современной ситуацией глобализации мира, сопровождающейся унификацией культур. Как оппозиция культурно-духовному уравниванию и выступает движение к возрождению регионально-этнических языческих верований, будучи попыткой противостоять общему выравниванию и обеспечить, укрепить свою идентичность через привязку к родным (местным) богам и традициям. Второй причиной является попытка возврата к природе, что также вызвано современным критическим состоянием в сфере экологии. Стремление к корням, к природе, тяга к естественности на фоне засилия искусственных ценностей, потребности (и даже продуктов) вызывает оживление интереса к жизни природы, поклонение ей. Активно возрождаются языческие ритуалы в форме неязыческих культов. Столь же активно практикуются варианты различного рода натуропатий и т.п. Но это не прометеевский человек атеизма, он не так рационален, как тот, скорее более мистичен. Это своего рода натуральный человек, ищущий возврата к естественной жизни, к природным формам ее проявления. Языческий человек принимает природу как исходное совершенство, не соглашается со свойственным христианскому учению принижением естественной и преходящей природной жизни в сравнении с высокой жизнью вечного духа.

Языческий идеал — единство с природой. Языческий человек — сильный человек, не богоборец, но равный богам, человек без комплексов, без натужных рефлексий, он натуральный маг, ибо постиг жизнь природы. Таков ницшеанский человек, герои

произведений Вагнера, об идеализированной модели понимания подобного человека говорится и в «Лезвии бритвы» И.А.Ефремова. В то же время политеизм есть спутник определенной стадии в развитии человека как личности, можно сказать, что исторически он выступает следствием определенной стадии развития представлений о личности — и своей, и своих богов. В то же время сторонники язычества часто обвиняют христианство, например, в пассивности и нетворческом характере. Язычество же, по мнению его сторонников, распечатывает силы человека, осознавшего себя в родстве с силами природы и получающими от них поддержку.

Следует сказать, что здесь в качестве особой, как бы промежуточной парадигмы, можно выделить те системы, которые являются своего рода *битеистическими* (их можно, с одной стороны, считать условно монотеистическими и в то же время, с другой стороны, минимально политеистическими), где во главе мироздания находятся два равноправных, но противоположных бога. Подобные модели типа диалектической иранской религии зороастризма с культом Ахурамазды (добро) — Аримана (зло) или манихейства, рассматривавшего содержание жизни как борьбу света и тьмы, были как бы переходной формой от общей восточной модели единства и взаимодополнительности противоположностей (инь-ян) к учению о конечной победе добра через духовное совершенствование человека, через добрую мысль, доброе слово, доброе дело. Ценностно-космологическое содержание таких культов было в том, что человек здесь уже предстает трехприродным (материальная природа, душевная, духовная) с бессмертной душой.

В то же время именно в подобных представлениях скрыт исток, из которого подпитываются и черпают вдохновение и ставшие вдруг распространенными сатанинские культы, и темные ритуалы Вуду, здесь берет начало мистическое почитание двуединого бога Абраксаса, объединяющего в себе на равноправных началах добро и зло.

4. Парадигма четвертая, безлично-космическая. Эта актуально действующая и активно влияющая на формирование современных культурных моделей парадигма, обнаруживающая свою способность креативного вдохновения в самых различных областях науки и искусства, может быть обобщенно названа *парадигмой*

пути. Эта восточная по происхождению парадигма основана преимущественно на положениях традиционных для Востока философско-религиозных учений буддизма, даосизма, дзэн-буддизма, в частности на признании примата космического сознания и существовании безличного и универсального принципа Дао.

Буддизм является самой древней из трех религий, считающихся мировыми. Особенностью его, как и всей данной парадигмы в целом, является то, что это не просто религия, даже не столько религия, сколько сугубо практическое учение, помогающее постичь умение жить без страданий. Страдания порождаются человеческим неведением об иллюзорности жизни и человеческими страстями и привязанностями; освободившись от них человек достигает просветления и может фактически стать буддой. Достижение состояния Будды и есть цель всех буддийских мистиков, желающих стать буддами. У каждой исторической эпохи есть свой главный Будда, который первым постигает основные принципы учения применительно к эпохе и начинает проповедовать их другим. Буддой современной эпохи был достигший состояния буддовости принц Гаутама; Будда грядущей эпохи – Майтрея, который в свое время явится в мир и даст людям учение, соответствующее новым условиям.

Это дает основания считать буддизм по сути атеистической религией или же, как полагают некоторые, рассматривать ее вообще в качестве религии будущего, поскольку ее положения весьма гибки, они могут быть развиваемы и вполне примиримы и согласуемы с современной наукой. В этом смысле буддизм называют религией без Бога. Достигнутый человеком предел есть только временная остановка, и необходимо продолжать свой путь развития дальше: «Встретишь будду – убей будду, встретишь патриарха – убей патриарха... Лишь так достигнешь ты просветления и избавления от бренности бытия», как гласит одна из дзэнских заповедей в книге «Риндзайроку». Разумеется, это лишь символическое обозначение личной нескончаемости и принципиальной бесконечности пути к достижению подлинной цели совершенства.

Фактическое отсутствие вечного и абсолютного Бога при наличии множества временных, преходящих Будд, а также смысл и характер основных положений буддизма был причи-

ной того, что многие русские философы, такие как Вл. Соловьев, Н. Бердяев, С. Булгаков, не могли принять это учение в силу его внешней политеистичности, расхождений с самим духом христианства, того, что в центре этого учения стоит понятие «пустоты», а целью пути души и идеалом ее состояния является *нирвана* (угасание). Христианский Бог дарует человеку благодать, это его дар. В буддизме же человек всего достигает только сам, Будда только учит его, но не ведет, не защищает, не благословляет. Его, как языческого бога, можно убить, когда он выполнил «служебную функцию» сигнала о достижении нужного состояния совершенства.

Карма как совокупность всех добрых и дурных поступков и мыслей человека, которые в совокупности определяют разные его воплощения (тем самым разную степень приближенности его к состоянию буддовости), в которых карма отрабатывается (как долг), наследуется (как состояние), определяет судьбу (как рок). По сути, карма выступает как своеобразное перераспределение, но она не предполагает взаимодействия с Богом, не обеспечивает ни творчества, ни прорыва к каким-то духовным уровням. Неизбежность воздаяния в законе кармы не предполагает возможности раскаения, искупления, прощения.

Безлично космический характер буддизма определялся тем, что в трансцендентном Боге, как он понимается в христианстве, нет надобности, ибо здесь он не есть творец мира; мир творится по своим законам, без участия божественного промысла. Боги же и будды столь же имманентны человеку, как и языческие боги. Сам человек есть космическое существо, живущее в ритмах космоса, в его бесстрастном дыхании. Человек здесь не выступает как вершина развития, или его цель. Он есть среднее звено между Небом и Землей, он естественно связует их и способен развиваться сам. Природа естественна и совершенна, и человек не имеет какого-либо привилегированного или исключительного положения в каком бы то ни было смысле; «он предстает в иерархии существований, как и другие, одно состояние среди бесконечного числа других, многие из которых по отношению к нему высшие, а многие — низшие». Восточные религии считают, что образцом порядка для человека и его развития

является порядок космоса; приводя свое сознание и свою деятельность в соответствие с ним, человек способен к развитию высших возможностей и сил.

Как уже упоминалось, одним из основных, ключевых понятий буддизма, как и даосизма, является «пустота». Это то ничто, из которого проявляется всё. Запад понимает «ничто», как известный шекспировский король Лир: «Из ничего и выйдет ничего». Однако у «ничто» на Востоке особый смысл. Это вовсе не «ничтоизм», или нигилизм, против которого были столь резко настроены вышеупомянутые представители русской этической ориентированной философии. В восточной философии «ничто» — порождающая сущность, которая вмещает в себя возможность универсального осуществления и энергию воплощения. Высокая абстрактность данного понятия делает его своего рода смысловым синонимом понятия «вакуум» современной физики. Действительно, с одной стороны, там, где ничто, небытие — там нет бытия. Если есть бытие, значит, небытие «кончилось». Онтологическое совмещение этих понятий невозможно, исходя из традиционной аристотелевской логики. Но такое диалектическое бытие небытия вполне возможно там, где иная логика, где идет процесс непрерывного перехода противоположных и их взаимопревращения. Это как дополнительность взаимоисключающих противоположных, равно фундаментальных начал инь и ян, их непрерывный и не останавливающийся взаимопереход. Именно такая логика способна помочь в понимании природы физического вакуума и квантовых превращений.

Сильны и значимы космологические моменты и в дзэн-буддизме, как одном из буддийских направлений, и в даосизме с его основным понятием «дао» (или «до», т.е. путь), высшего космического закона, которому подчиняются даже боги. Практический характер дзэн наиболее очевидно проявился в том, что его принципы стали основой организации самой жизни и руководством к перестройке сознания, психики. Особое внимание к разработке психологических аспектов буддийского учения в дзэн привело к выстраиванию специальной системы психотренинга, направленного на формирование «идеальной дзэнской личности». Перестроенное сознание должно было

следовать невозмутимому порядку космоса, не быть нарушаемым всплесками немотивированных реакций. Побеждая эмоции, желания, страсти и привязанности, человек становится «объективен», освобожден от субъективных обусловленностей, свободен от страданий; различные виды медитативной техники, разработанные на Востоке, стали популярны и широко практикуемы на Западе.

Таким образом, в подобных восточных учениях духовное достигается освобождением и выступает как, по сути, тонко развитое и сублимированное материальное (т.е. тонко-материальный, или специально «выращенный», высший уровень материального), психизм, а не собственно духовность. Сама невыделенность человека из мира, сообщающая его мировосприятию неповторимое ощущение единства с миром, в то же время явилась основой и как бы невыделения психологии человека из онтологии мира в целом. Отсутствие пространства метафизических идей бытия означало относительную условность и субъективности человека, растворенного в бытии мира. Психологизм, глубоко пронизывающий неделимый мир, становится космоизмом, при этом простое расширение мира не сообщает психологизму выхода в трансцендентность (который открывается только «отчужденному» сознанию), и он остается целиком замкнутым в имманентности.

Идеи даосизма, ценящего естественность и непринужденность в отличие, например, от этикетных форм конфуцианства, также стимулируют спонтанность проявления в жизни и в искусстве. Однако абсолютизация спонтанности не всегда продуктивна в творчестве, которое требует закрепления результата. Даосское творчество остается целиком в душе как внутренний сдвиг к красоте, как внутреннее движение постижения бытия. В то же время именно внутри даосизма были разработаны специальные тонкие техники так называемой внутренней алхимии — работы с энергиями, олицетворяющими инь и ян. Своеобразие даосизма в том, что человек здесь считается самодостаточной энергетической системой и его искомое бессмертие достигается выработанной способностью человека эффективно замыкать свой внутренний энергообмен.

При том, что подобному мировоззрению присущ определенный образом понимаемый динамизм — ибо сам космос есть единая нерасчлененная, вовлеченная в бесконечное движение реальность, идеальная и материальная одновременно, — в социокультурной парадигме прогресс как таковой не имеет значения и ценности. Мир воспринимается и проживается *здесь и сейчас*. Настоящее не приносится в жертву ни будущему, ни прошлому. Само будущее не идеализируется, не выстраивается каким-то волевым усилием или специальным социальным действием, но мыслится в рамках естественной закономерности, общей для всего мироздания. Человек выполняет свой долг перед миром на всех ступенях его организации — от космической до социальной и семейной, поддерживая высоко чтимую гармонию. Он не борется ни с миром, ни с судьбой и не пытается их изменить; когда он оказывается героем, это означает только то, что он до конца и надлежащим образом этот свой долг (в каждом случае соответствующий) выполнил.

В то же время, как уже говорилось, глубина восточных философских учений, их интуитивное проникновение в мистифицирующую тайну мироздания, их непреложная уверенность в целесообразности и несокрушимой закономерности устройства мира, развивающегося циклически, стали открытием и креативным стимулом для современной западной науки, переосмыслившей многие их понятия в ключе европейской логики, европейского мышления. Именно встреча и взаимодействие двух различных систем мышления оказались плодотворными для развития современной западной науки, получившей мощный импульс от обнаружения глубоких параллелей между современной физикой и восточным мистицизмом.

5. Пятая парадигма, мистико-эзотерическая, представляет модель мира, которую можно определить как, условно говоря, *комбинированную*. Эта парадигма синтетична, внутренне противоречива, поскольку состоит из разных по составу и ценностному содержанию элементов. Можно сказать, что представленная в этой парадигме модель представляет собою некий своеобразный сплав (иногда довольно тесное синкретическое единство) из отдельных идей и понятий восточных религиозных учений (даосизм, буддизм, индуизм, зороастризм), элемен-

тов космологических построений целого ряда языческих, пантеистических, панентеистических систем, а также мистико-эзотерических учений разной направленности и разного содержания. К этой же парадигме можно отнести и другие так называемые атеистические и нетрадиционные новые религии (не представленные в официально признанных конфессиях). Используемые системы не однородны ни по ценностям, ни по взглядам на характер и цель космического процесса, однако общим для них является убеждение в наличии неких высших сил, богов или высших существ, в наличии определенного параллелизма между земными и космическими событиями, в том, что за видимым слоем внешних событий скрыты истинные тайные их причины и цели.

Эзотерическое («внутреннее», в отличие от «внешнего» экзотерического, исходное, тайное) знание является древнейшей частью общей культуры человечества и содержит *систему* самых общих представлений о происхождении, строении и порядке функционирования мира. Эта система, составляющая эзотерическую космогонию и космологию, охватывает все уровни и планы мира, объясняя их причины, связи, иерархию, утверждая смысл и гармонию их сложных отношений, образующих устройство мира и определяющих его развитие. Давая первую (предшествующую той, что предлагалась наукой), исходную и целостную картину и модель мира, четко структурированную и конкретно разработанную в науках так называемого герметического цикла (например, астрология, алхимия и т.п.), эта система выступает как своего рода *космологический структурализм*.

Всё видимое многообразие мира, согласно эзотерическому учению, есть результат инволюции Духа, который выступает как объективная фундаментальная реальность континуального типа; внешним проявлением ее предстает материя, существующая в дискретных вещественных формах. Дух есть центральная ось развертывания мира, организующий стержень всякого бытия, всех связей и отношений человека с миром и с самим собой. Именно через Дух идет внутреннее соприкосновение его с сокровенными смыслами бытия, которые эзотерическая философия пытается раскрыть с помощью системы своих символов, образов, соотношений, чисел.

Основной эзотерической онтологии является четко проводимая идея иерархического порядка уровней, который гносеологически обосновывается и аксиологически выстраивается как условие существования мира в качестве единого целого. Например, планетные системы неизбежно повторяют по своим свойствам особенности элементов с соответствующим числом электронов; так, система с семью или девятью планетами «похожа» на элементы с семью и девятью (соответственно) электронами. Общая линия утверждения единства мира в его обусловленном порядке, противостоящем хаосу и ведущем к гармонии, прослеживается от Пифагора до Р.Генона, от Вл.Соловьева и П.Флоренского до Е.Блаватской и Рерихов. Идея порядка мира как конструктивной ценности была поддержана и наукой в лице, например, Тейяра де Шардена, В.Вернадского, И.Пригожина, утверждавших единство познаваемого мира. Мистическое толкование этой, в общем-то, вполне рациональной идеи, ее объяснений и ее следствий можно найти у К.Кастанеды, Р.Баха и множества других мистиков разного плана.

Именно эти основные принципы эзотерического знания о едином начале всего в мире присутствуют в мифологиях всех стран и народов, во всех мировых религиях за их внешним, экзотерическим планом. Единство законов для мира и для человека не только неразрывно связывает их воедино (соотносимость и изоморфность макро- и микрокосма), но и делает мир познаваемым для человека, показывая пути и алгоритмы процесса познания, его порядка и цели. Через порядок эзотерической картины мира человеку дается онтологическое, бытийное основание нравственности, т.е. через понимание порядка мира явлена опора для понимания им истинной природы добра и зла.

Следует сказать, что все посвященные в эзотерическое знание всегда проповедовали единобожие, и этот мотив присутствовал в замаскированном так или иначе виде в сюжетах мистерий и образов богов Ормузда, Диониса и т.д. И если в экзотерических («для народа») религиях жрецы проповедовали, например, культ птицеголового или шакалоголового бога (как в Древнем Египте), слонголового Ганешу (как в индуизме) и т.д., то в своих высших (эзотерических) посвящениях жрецы приобщались к культу Единого бога, символизирующего единое начало мира.

По-прежнему эзотерическое содержание присутствует во всех религиях, как тайный, скрытый от непосвященных, план, определяющий и объясняющий исходный смысл и действительное значение многих религиозных ритуалов и обрядов.

Что касается современного эзотеризма, то профанация древнего знания в трактовках новых «учителей», недостаточная их осведомленность и некритическое, неорганичное включение в него элементов различных культов или верований, возрастание «магической» составляющей в соответствующих практиках лишают эзотерическое знание, становящееся достоянием массового (экзотерического, профанного) сознания, его аутентичности, делают его язык и смысл неадекватными его источникам и традициям. Гносеологический и духовно-этический аспекты знания вытесняются в пользу узко манипулятивного использования его обрывков. Кроме того, рациональный, сциентизированный язык научной парадигмы не всегда может однозначно ухватить и передать смысл эзотерических символов и понятий, поэтому существует также опасность определенного редуцирования содержания эзотерического учения к некоей удобной и наукообразной схеме, даже когда это производится из лучших побуждений: найти место эзотерическому знанию в современной научной картине мира.

Общим для всех этих систем, объединяемых нами в указанную парадигму, является своеобразный космизм, т.е. полагание существования начала самого общего космического масштаба и некоего объективного космического закона. Например, учение о том, что Земля есть живое существо (ни в первой, ни во второй парадигме, например, об этом не говорится), управляемое планетарной личностью, духом Земли. Все народы человечества, растительный и животный миры, моря, атмосфера, все вместе составляющие единое живое существо Землю, являются как бы органами этой планетарной личности (духа Земли). Жизненные процессы Земли как планетарной личности подчинены особым законам, не сводимым к физическим, химическим, биологическим, социальным. Земля способна к сложнейшим гиперпсихическим переживаниям и реакциям. Полюса Земли рассматриваются как окончания ее «позвоночника», являющегося информационно-энергетической осью связи Зем-

ли с Космосом. В свою очередь, Вселенная есть также единый организм, управляемый Мировой Душой, или Мировым Духом, или Мировым Разумом, или Мировой иерархией и т.п. Подобные представления существуют давно в философиях самых разных времен и направлений. Подобные идеи мы находим у Платона и стоиков, в неоплатонизме и панпсихизме, у Парацельса, Дж.Бруно, у отечественных космистов Вл.Соловьева, П.Флоренского, С.Булгакова, не говоря уже о многих современных представителях эзотеризма и даже ученых-физиков, находящихся на самом переднем крае изучения общих законов построения мира.

В этой парадигме, проводящей на всех уровнях идею единства человека и мира, берутся на вооружение самые разнообразные техники — от йогических, где следующий учению индийских йогов человек строит фактически свой особый мир и делает его столь реальным, что поселяется в этом виртуальном, созданном его воображением мире, в той или иной степени успешно функционируя по его законам, до достаточно экзотических методик макробиотического дзэна, аюрведической системы оздоровления и т.п. Цель — используя связь разных уровней мира, развитие физические возможности тела и перестроить сознание, унифицировав все ритмы организма с космическими ритмами.

В отличие от восточных учений, о которых выше говорилось, что в них духовное заменено высшим психизмом, в эзотерических учениях, которые, тем не менее, заимствуют из восточных систем такие понятия, как карма, прана, чакра, шакти, инь-ян и т.п., главный акцент ставится именно на духовную реальность, однако представление о мире и его порядке представлено как целостный космологический структурализм, во многом в своей архитектонике повторяющий положения восточных учений. Например, в данной парадигме учение о наличии в мире двух равноправных и равнозначных, но разнонаправленных и разнодействующих противоположных начал инь и ян развивается не только как модель взаимодополнительности при образовании целого, но и как обозначение ритма в самом общем его смысле — как краеугольного способа организации структуры и движения. Учение о чакрах, заимствованное из тантрического учения индуизма, но переосмысленное в пла-

не энергетического содержания, встраивает человека в многоуровневый организм Вселенной, структуре которой изоморфно строение самого человека, функционирующего на одноименных со Вселенной типах энергии.

Идеалом в данной парадигме выступает совершенный человек. Однако параметры совершенства здесь иные, чем в монотеистической, например, религии. Человек здесь ближе к природе, не отделен своей духовностью от ее бытия. Он, уподобившийся совершенной природе, как и она, фактически асоциален. Исходя из этого, под вопрос поэтому ставится и сама необходимость в единой церкви как особом институте, например, в рамках христианства. Действительно, какую цель, с этой точки зрения, могут, например, иметь церковные службы в условиях полной предопределенности судьбы человека (и мира)? О чем и зачем можно просить Бога, если Он всё уже устроил к лучшему? Ведь в этом случае всякая личная молитва об исполнении нашей просьбы выглядит как недоверие к Его интуиции, к божественному Провидению и провокация заставить (умолить) Бога осуществить не Свою, а нашу волю. Нетрадиционные религиозные культы, часто, в свою очередь, опирающиеся на древние восточные и эзотерические учения, стремятся, на их взгляд, избежать подобных противоречий и сделать человека более свободным в вопросах собственной судьбы и более способным, как сейчас говорят, «самому сделать себя».

Данная модель рассматривает человека как творческое существо, свободное — в рамках структуры космоса — к собственной реализации, развитию, восхождению; человек способен активно изжить или переплавить свою карму, которая в буддизме или индуизме, например, может быть только естественно унаследована от прошлых воплощений и пассивно изживается в процессе жизни и деятельности каждого нового воплощения. Человек может с помощью специальных психотехник и медитаций (статических, динамических, трансцендентальных) работать со своей энергией, повышать свой энергетический статус, что позволяет ему овладевать сверхспособностями, выходить на всё более высокие уровни духовной организации. И, совершенствуя себя, тем самым способствовать совершенствованию окружающего мира.

В целом, подобные учения принято определять как атеистические, поскольку в них, как правило, трансцендентное заменено имманентным; восхождение человека происходит здесь не прямо к Богу, а на очередную, ближайшую по иерархии ступень, ибо во главе человечества, согласно данной модели, построенной на идеях космизма и энергетизма, стоят боги, учителя, архаты, разноуровневая Иерархия Света. В аутентичных эзотерических учениях, где ясно обозначено направление развития мира, а следовательно, место и предназначение человека в нем, человек неотрывно включен в общую структуру мира и онтологически не может, не должен нести миру зло, ибо он сам есть его часть, особая форма его бытия. Это дает человеку осознанную свободу в определении цели и смысла собственной жизни. Пафос эзотерической философии — утверждение единства мира и его порядка, творческое участие в нем человека и его ответственность за ненарушение гармонии сложного строя связей этого мира — вполне укладывается в современные научные представления о мире и человеке.

6. Шестая парадигма — парадигма Космического Разума — также подразумевает, что существует некая высшая сила — *космического масштаба*, — которая управляет бытием всего сущего, координирует развитие жизни во Вселенной, наблюдает за процессами, происходящими на разных планетах и способными повлиять на жизнь космоса в целом, организуя при необходимости своего рода «обмен опытом» между планетными цивилизациями, корректируя опасные отклонения в их развитии и т.п. Это также своего рода комбинированная модель, ибо здесь присутствует, с одной стороны, материалистическое, естественнонаучное и фактически бездуховное (духовность и разум не есть тождественные понятия) представление о космосе как целом, о его развитии и строении, о природе и характере жизни, о материи и духе, с другой — убеждение, которое можно назвать квази-религиозным, в существовании своеобразных «богов», в качестве которых для землян могут выступать представители более высокоразвитых внеземных цивилизаций или же некий абстрактный разум.

Данная модель выстраивается с опорой на убеждение, что земная жизнь имеет космическое происхождение, что она могла стать, например, результатом процесса так называемой пан-

спермии, т.е. заноса спор жизни (случайного или намеренного, согласно «инфекционной теории» Ф.Крика и Л.Орджела), либо самопроизвольно — через какой-либо космический процесс или фактор, либо в ходе специального и целенаправленного инопланетного посещения нашей планеты. В этой модели человек выступает как часть *космического мегапроекта* либо рассматривается как некий космический *эксперимент*, который мог быть обусловлен самыми разными целями, преследуемыми инопланетным разумом. Например, одной из целей космического разума могла быть задача вырастить сознание, которое в проявлении своего творческого могущества смогло бы вырвать вселенную из бесконечного круга следующих друг за другом смертей и рождений. Целью мог выступить также и какой-либо иной вариант эксперимента или просто исследования: например, создание некими высокоразвитыми цивилизациями экспериментальных существ-аниматов (живых роботов, неких гибридов робота и животного с заданным поведением) или, возможно, разного типа клонов, чтобы проследить процесс формирования интеллекта в процессе как обучения, так и самоорганизации.

Основой для подобного утверждения сторонникам инопланетного вмешательства послужило то, что для естественного хода эволюции процесс возникновения и развития человека шел, во-первых, слишком быстро, если бы это были всего лишь случайные мутации (а точнее, макромутации) с закреплением нужных из них в ходе естественного отбора, а во-вторых, слишком направленно, будто эту эволюцию вели специально и избирательно для определенной цели, имея предварительный замысел. Тем более известно, что обычно самопроизвольные мутации в большинстве случаев работают в сторону ухудшения, а не улучшения, если, конечно, не иметь в виду специальное создание особых условий для закрепления положительных мутаций. Однако около 200 тыс. лет назад Человек прямоходящий внезапно (по космическим меркам) превратился в Человека разумного с увеличением объема мозга на 50%, со способностью говорить (по свидетельству нейроанатомов и психолингвистов, человеческий мозг обладает особенностями, отсутствующими в мозгу наших ближайших сородичей, и именно они и

играют решающую роль в возникновении у нас языка) и анатомией тела, близкой к современной. При этом в предыдущие 1,2 млн лет никакого движения в этом направлении с Человеком прямо стоящим не происходило. После своего превращения он еще 160 тыс. лет продолжал жить прежней примитивной жизнью, используя каменные орудия, и лишь 40 тыс. лет назад совершил переход к относительно схожим с современными формам жизни и поведения.

В целом человек явился своеобразным исключением из эволюционной теории, справедливой для остального живого населения Земли. Так, например, у ближайших обезьяньих родственников человека было 48 хромосом, а у человека их только 46. При этом у особо агрессивных людей, составляющих основную массу преступников, отличающихся высоким ростом и силой, генетики также выделяют 47—48 хромосом; кто удалил у человека эти лишние для него хромосомы или каким образом столь серьезное структурное изменение, т.е. слияние (сращивание) двух хромосом, само (?) произошло с человеком, тем самым избавив его от саморазрушительной агрессивности? Для естественно идущего процесса это также произошло слишком быстро. Целенаправленные генетические вмешательства инопланетных «богов» исследователи усматривают и в том, как смог возникнуть язык, и в специфике человеческой сексуальности, весьма значительно отличающей его от животных, и в особенностях работы человеческих систем органов (например, в скорости пищеварения). Особую же загадку представляет собой мозг.

В данной парадигме находится и объяснение уже упоминавшейся проблеме расового разнообразия человечества. Как делает вывод на основе изучения множества материалов (включая шумерские мифы) и сложных астрономических расчетов английский ученый-математик Алан Ф.Элфорд, человек действительно был создан сразу в нескольких разных вариантах (а именно в семи), будучи результатом многократных медицинских экспериментов с использованием разного генетического материала. Людей создали пришельцы с «блуждающей» планеты Нибиру, которая будто бы 4 млрд лет назад (общий возраст Земли около 4,6 млрд лет) ворвалась в Солнечную систему и столкнулась с пра-Землей. Будучи захвачена в орбиту Солнца,

она впоследствии слилась с ней, образовав современную Землю, имеющую в результате этого весьма неравномерное распределение поверхности между сушей и океаном, что из всех тел Солнечной системы характерно лишь для одной нашей планеты. «Экипаж» пришельцев возглавляли два брата (Энлиль и Энки, согласно шумерской передаче их имен, соответственно, властитель Неба и властитель Земли), первый из них позднее стал считаться главой пантеона светлых сил (богом земных религиозных мифов), второй — главой пантеона темных сил (получивший позднее соответственно имя дьявола), вследствие вражды между ними и соперничества за власть над Землей и человечеством. Отца этих братьев, главу всех богов, шумеры называли Ану (небесный), и он редко посещал Землю. Потомки пришельцев образовали известный на Земле пантеон богов. Создавая для себя разумных помощников из обитателей Земли, эти боги-пришельцы с большой продолжительностью жизни (около 100 тыс. лет, т.е. по земным меркам бессмертные) отдали им свои гены (в частности, ген долгожительства), поэтому они первоначально отличались большим сроком жизни (Адам, «как известно», прожил 930 лет); затем, по мере удаления от первого человека, соединившего в себе гены земные и «небесные», с накоплением ошибок и повреждений в генетическом аппарате продолжительность жизни человека в земных условиях начала уменьшаться.

При всей предположительности и недоказуемости положений, составляющих данную парадигму, с ее помощью оказывается возможным объяснение многих событий, описанных в Библии, а также в более древних «Поэме о Гильгамеше» или «Махабхарате», и представляющихся как непонятные. Удастся, например, установить, почему в Библии содержится рассказ как бы о двух разных актах сотворения Адама и Евы (в соответствии с древними шумерскими источниками, которые легли в основу Книги Бытия, Адам был создан из уже живой материи); что это был за говорящий (!) змей (и чем объясняется это весьма неожиданное для Священной книги использование такого, казалось бы, чисто сказочного приема), соблазнивший Еву; каким «мистическим» огнем были уничтожены древние города Содом и Гоморра, что произошло, как высчитали исследовате-

ли, в 2024 г. до н.э. Становится также объяснимо и содержание видений библейских Илии и Иезекииля, и то, как и зачем были построены пирамиды в Египте, а индуистские храмы имеют столь необычные формы, и многое другое. В частности, наличие в человеческом мозге двух независимых полушарий, из которых правое является реликтовым, а левое, рациональное, более совершенное — подарком «богов». Для защиты своей теории А.Ф.Элфорд ссылается на вавилонские мифы, где действительно содержатся упоминания о взаимодействии «богов» и землян.

В результате, как считает З.Ситчин, 300 тыс. лет назад появился на Земле «примитивный рабочий» — *Homo sapiens*. Так, по его версии, было найдено отсутствующее звено в цепи эволюции человека. Пришельцы поставили производство созданного ими человека на поток, численность их росла, что позволило заменить ими пришельцев на всех тяжелых работах. Именно эти люди-рабы и стали впоследствии причиной вооруженного конфликта между Энки и Энлилем. Тот же Энки, который, исходя из повествования, больше любил людей, сообщил в свое время и Ною о грядущем неизбежном потопе и посоветовал, как можно спастись и ему самому, и населению Земли с помощью ковчега, который сам и помог построить. Энлиль же, которому не нравились возникавшие тесные отношения между «сынами богов»-пришельцами и дочерьями «примитивных рабочих», был — уже тогда — как следует из преданий, сторонником прекращения генно-инженерного эксперимента с земным человечеством.

Для подобной космологической модели характерны космический детерминизм и механицизм, хотя и с внеземной окраской. Центр внимания в данной парадигме смещен в прошлое, которое и содержало события, ставшие началом человеческой истории и определившие ее. Именно в прошлом был пик расцвета науки и цивилизации. Так, в «Махабхарате» описаны некие виманы — летающие машины, извергающие из себя ревущее пламя (и отчасти напоминающие современные НЛО). Ныне же человек по крупицам восстанавливает прошлое (зачастую оказывающееся привнесенным извне) знание, силится вспомнить свое прошлое, которое теперь ему видится по свое-

му содержанию как будущее. К этой версии в *разных* вариантах ее развертывания фактически склоняются такие авторы, как А.Ф.Элфорд, З.Ситчин, фон Дэникен, Э.Мулдашев.

Именно в рамках данной модели обретают определенную достоверность древнегреческие мифы о богах, титанах и их борьбе между собой. А саму смену форм религии от многобожия к монотеизму можно истолковать как идеологическую (и, возможно, не только) войну «богов» за власть над Землей, т.е. борьбу старшего «бога» за единоличную власть. По сути же эта парадигма также как бы «без Бога», ибо боги здесь фактически не настоящие. И они не отменяют естественной эволюции, но лишь ускоряют ее течение: Человек разумный, существующий на Земле поныне, есть по сути своеобразный «ап-грейд» земной обезьяны (обезьяночеловека), выполненный более высоко развитой цивилизацией.

Иными словами, в данной парадигме Бог может быть, а может и не быть. Реально существует лишь иерархия разных уровней развития жизни и цивилизации. Если же предположить возможность наличия богов, то — и в этом смысле знаменательно недавнее заявление отцов католической церкви, признающих, что для других планет или планетных систем могут существовать свои, отдельные спасители (как для Земли — Иисус Христос) — действительно, может существовать система (или иерархия) планетных богов, что, конечно же, отнюдь не снимает вопроса о том, откуда произошли сами эти боги или духи планет (как и сами планеты).

7. К седьмой парадигме могут быть отнесены все **информационно-кибернетические**, техно-математические концепции в понимании мира, человека, жизни. Идея возможного экспериментального биоробота из четвертой парадигмы как бы перетекает здесь в версию земного человека как «естественного» (но, возможно, искусственно созданного) *компьютера*. Кибернетической разновидностью данной парадигмы является волновая теория эволюции, в которой тело рассматривается лишь как носитель мозга, призванный обслуживать его сенсорно-энергетически, поставляя разного рода информацию, которую несет по организму кровь. Мозг, в свою очередь, это цифровой передатчик, и человек, таким образом, в лучшем случае явля-

ется биокибернетическим гибридом, т.е. компьютером, смонтированным на биологической основе, в биологической структуре. В худшем — просто компьютером как приёмником команд Большого компьютера. В этом качестве может выступать Вселенная как, по версии Х.Моравека, единый гигантский компьютер, где так называемое сознание есть результат соответствующих субвычислений, выполняемых этим компьютером.

Некоторой вариативностью отличается представление о теле как служебном органе; это возобновляемая, в известных пределах, биомасса, призванная служить для мозга естественным средством транспортировки и питания. Нервную систему как «водителя» этого транспортно-энергетического средства можно, в свою очередь, представить как некий спроецированный на человека пульт управления, связанный с Космическим высшим разумом и транслирующий его команды телу. В этом представлении мозг фактически как бы «выводится» из состава тела, хотя он, как мы знаем, является материальной структурой. В этом радикальном представлении, если его довести до логического завершения, человека как органического единства вообще не существует. Материальная оболочка — лишь временное и достаточно случайное место обитания некоей информационно-энергетической структуры.

В отличие от привычных для восприятия человека понятий пространства-времени, определяемых естественной материальной реальностью, квантовые реальности мозга представляют собой текучие изменчивые поля, формируемые стремительными процессами обмена информацией с разными информационными источниками. Это в известной степени как бы объясняет расхождения между восприятиями тела и мозга, между показаниями чувств и соображениями разума. В пользу концепции гибридно-компьютерной версии человека говорит, во-первых, то, что у него, как и у компьютера, дублированы системы доступа к информации — через ладони, зрачки, ушные раковины, и, как и у компьютера, его программа (судьба) записана и предопределена «программистом».

Во-вторых, в пользу гипотезы запрограммированности человека и управления им извне может быть истолковано то, как с течением жизни меняется, например, отношение человека к

смерти. В юности работает одна программа. И человеку просто нестерпима сама мысль о собственной смерти, он просто не пускает ее в собственное сознание. С течением времени человек как бы начинает обживать эту мысль, постепенно привыкает к ней, хотя по-прежнему гонит ее от себя. В зрелом возрасте он уже может обсуждать ее. К старости включается «программа выхода», и человек начинает воспринимать смерть как нечто будничное. Он спокойно думает о собственной смерти, готовится к ней, он вжился в программу «без себя». Кем-то как будто разворачивается компьютерная игра «жизнь»: вход — рождение, выход — смерть, в промежутке — некая свобода действия, как во всяких компьютерных играх.

Точно так же запрограммированы и ведущие к смерти процессы старения, когда накапливаются деградиационные отклонения в генах, изменения в клетках. Некоторые ученые считают, что программа старения сосредоточена в одном гене, который называют Мафусаиловым (вспомним библейское выражение «Мафусаилов век», который был равен 969 годам), и — теоретически — блокировка соответствующего его участка может «выключить» действие программы старения, открыв путь к бессмертию. На принципиальной возможности изменить (исправить) программу поврежденных клеток основана также и известная генная терапия. Пересаженный новый ген способен осуществить необходимые действия по коррективке поврежденной программы.

Парадоксально, но в подобную парадигму, правда, с известными оговорками в пользу потенциальной возможности для человека самостоятельного управления собой, может быть вписана концепция, изложенная Вл.Соловьевым в его произведении «Оправдание добра». Вл.Соловьев писал, что человек из века в век привык к тому, что все умирают, и воспринимает это как не просто принятый, но единственно возможный порядок вещей. Однако в его воле не согласиться с этим порядком. Если человек перестанет мириться с мыслью о смерти, откажется от неизбежности следования этому «алгоритму» живого, то он и перестанет умирать. Можно сказать, что это был бы переход (перевод сознания) на другую «программу».

В человеческом сознании, как в компьютере, можно «переписать» информацию или вообще стереть ее, можно перекодировать поведение, загипнотизировать, искусственно сузив пространство восприятия, и т.п. Судьба человека оказывается фактически predetermined, ибо предполагается, что существует программа его жизни. В то же время с помощью особых техник (например, нейро-лингвистического программирования) можно в определенной степени изменить эту программу, трансформировав ее отдельные участки.

Подобная парадигма человека-компьютера (человека-биокомпьютера) может мыслиться как с Богом, так и без него. Здесь либо Бог выступает Первым изначальным программистом или неким Верховным компьютером (пожалуй, самый странный Бог из возможных представлений о нем в разных типах парадигм); либо таковы оказываются извилистые пути естественной эволюции, что сама природа на протяжении миллионов лет сформировала генетический механизм в виде некоего биокомпьютера; либо земная цивилизация может быть представлена как результат широко поставленного опыта более высокоразвитой внеземной цивилизации. В пользу парадигмы «с Богом» могут быть истолкованы слова Р.Пенроуза, утверждающего, что мозг есть компьютер настолько сложный, что его имитация не под силу человеческой науке, ибо это результат божественного творения и Бог — «лучший в мире системотехник».

В парадигме же без Бога, т.е. без первоначальной цели, без исходного замысла и плана мудрая, но слепая природа методом проб и ошибок, в борьбе за существование между разными вариантами жизни, в битве шансов разных организаций разума путем естественного отбора в мозаике складывающихся связей и обстоятельств порождает то, что предстает как мозг нынешнего хомо сапиенса. В то же время подобная парадигма, в случае ее принятия, означала бы признание либо существования принципиальной и непреодолимой грани между человеком и остальными, даже достаточно разумными, животными, либо наличия нескольких разных программ для разных видов живого на Земле и, следовательно, наличия разных верховных «богов-компьютеров». В этом случае идея эволюции приобрела бы совершенно иной характер, как и представления о природе мозга и его отношении с сознанием.

Неживое способно породить разум, как считает Д.Сёрл, благодаря особой организации (хотя, правда, возникает вопрос: кто всё же выступал организатором *до того*, как разум оказался порождён? — неразумная природа?): «кусочки материи организованы определенными динамическими образами, и именно динамическая организация создает разумность». Так и компьютер «порождает интеллект, поскольку выполняет правильную компьютерную программу с правильным вводом и выводом данных». Здесь при уравнивании разума человека и компьютера как бы упускается тот факт, что и составление программы, и определение ее правильности в случае с ЭВМ лежит всё-таки на человеке. А в случае с самим человеком (если принципиальной разницы между ними нет) кто или что осуществляет подобные операции?

В информационном подходе всё бытие мыслится как единое информационное пространство. Не материя, а чистая информация выступает основной формой бытия. Каждый человек в нем — многоуровневый «аппарат» для восприятия разнокачественной информации, с которой он работает по своей индивидуальной программе. Человеческий мозг требует постоянного поступления всей новой информации (ежедневного ввода нескольких миллиардов байтов цифровой информации), чтобы возвращать ее переработанной окружающему пространству. Как пишет Т.Лири, «человеческий мозг — это самая мощная система управления и передачи информации в известной нам вселенной. Скопление сотен миллиардов клеток, плавающих в океане информационного геля». Фактически, человек и есть компьютер; тем не менее, однако, как пишет специалист по трансперсональной психологии Ч.Тарт, у него есть возможность стать сознательным. Именно *стать*, что возможно лишь в результате специальных усилий: для того чтобы стать сознательным, необходима особая практика расширения сознания, что достигается с помощью специальных психотехник, о которых говорилось выше, в связи с выделением четвертой парадигмы.

Если принять, что человек есть биокомпьютер, т.е. мозг-компьютер обслуживается живым телесным организмом, самообновляемым и саморегулируемым (и самовоспроизводящимся), тогда возникает соблазн интерпретировать творчество как

явление спонтанного включения некоего «молчащего» (специализированного, согласно мнению Н.П.Бехтеревой) участка мозга, что позволяет «выходить» в состояние (или начинать работать в режиме) озарения, просветления. Возможно, все специальные психотехники и имеют целью пробудить, раскатать этот участок через приведение человеческого сознания в резонанс с космическим сознанием (Большим Компьютером). Как у компьютера есть «меню» с перечнем, например, разных шрифтов, и можно выбрать нужный, так и у сознания человека есть набор разных режимов работы, и можно, нажав клавишу, выйти в нужный режим (или же попасть в него спонтанно).

Именно информационная сущность деятельности человеческого мозга является причиной возможности переноса существования в сферу виртуальной реальности, как бы виртуального переселения человека в «страну Киберию». Легкость переживания опыта выхода из тела, происходящего постепенно своеобразного «развоплощения» современного человека доказывает, что истинная жизнь — не в опыте плоти, а в опыте нашего инфо-органа, которым является мозг, организованный и предназначенный для работы с информационными сигналами. Человек постепенно уйдет из неповоротливой и инертной материальной жизни в созданную им жизнь электронных реальностей.

Эта осознанная возможность постбиологического сознания, обеспеченного перепрограммированием соответствующих контуров мозга, есть выражение возможности бессмертия. «В сущности, — пишет Т.Лири, — бессмертие — это “отцифровка”. В какой степени ты себя отцифруешь, в такой степени ты станешь бессмертным». Но кроме этого весьма эксцентричного варианта «жизни в компьютере», существует и естественная неуничтожимость информации, которая не теряется в информационном пространстве, но лишь переструктурируется, образуя новые соединения и формы.

8. Кроме вышеназванных, можно, условно говоря, выделить и еще одну, *восьмую парадигму*. Несмотря на то, что и предыдущая парадигма в известной мере содержит элементы фантазийности (точно так же, как и все другие парадигмы — пока мы не знаем истины — могут представляться как в определенной мере гипотетические или содержащие элементы вымысла и предпо-

ложения), она в то же время и в той же степени опирается и на элементы достоверности и прогнозируемости. Восьмая же парадигма может быть определена как *фантазийная* целиком и *по преимуществу*. Шире всего данная парадигма, естественно, представлена в особом жанре специфической научной фантастики (или космогонической фэнтези), где, может быть, полнее всего выступает человеческая культурная способность к творчеству, не будучи привязана к каким бы то ни было временным или пространственным реалиям или ограничениям.

Природа миров, представленных в таких моделях, может быть самой разной. Но главным качеством, отличающим подобные фэнтези-проекты от просто фантастической литературы, является интерес и автора, и читателя не к сюжету, а именно к самой «выдумке», представляющей абстрактно-достоверную *версию* происхождения мира. Сама эта «выдумка», ее содержание соотносят нас с каким-то из пластов сознания, или генетической памяти, или какого-то иного источника. В отличие от фантазийных сюжетов Ф.Кафки или Н.В.Гоголя, эти модели не опираются на признание как бы параллельных миров реальной и идеальной действительности; в отличие от космогоний К.Кастанеды, не содержат мистико-эзотерических моментов; в отличие от социальных утопий, представленных, например, в книгах И.А.Ефремова «Туманность Андромеды», «Час Быка» или у А. и Б.Стругацких, О.Хаксли, Р.Брэдли и др., этот тип фэнтези не ставит целью показать желательное или, напротив, вероятное, но крайне нежелательное, устройство общества; главный интерес сосредоточен на версии происхождения и объяснения *логики устройства* мира. Это может быть модель мира со специфической «психоисторией», созданная ученым Селдоном из «Академии» А.Азимова. Или «мыслящий океан» из «Соляриса» С.Лема. Или кольца времени и временные петли из «Берега динозавров». Или фантазия В.Пелевина из его «Empire V», где рассказывается о самой первой разумной цивилизации на Земле, которая закончилась 65 млн лет назад, когда на Землю упал астероид и последующая жизнь стала вариантом приспособления прежней жизни к новым условиям, и т.п. Можно сослаться также на книги А.Азимова «Конец вечности», И.Огая «Уровень атаки», В.Добрякова «Отставание по

фазе» и др. Количество вариантов здесь почти безгранично, и не представляется возможным не только перечислить хотя бы наиболее интересные из них, но и дать примерную типологию подобных космогонических фантазий (это отдельная тема и особое исследование). В то же время нельзя и игнорировать данный тип мирового «моделетворчества».

Итак, в настоящее время человек (человечество) одновременно живет как бы в нескольких *разных* культурных парадигмах, порою довольно легко переходя из понятий и концепций одной парадигмы к представлениям и понятиям другой или вполне допуская возможность рассмотреть также и положения какой-то третьей. Или выбирает себе ту, что кажется ему более достоверной или подходящей. Как пишет Т.Лири, «у каждого человека есть любимый уровень сознания, на который он помещает Бога и все известные ему добродетели». Иными словами, имея возможность выбирать предпочтительную модель космологического объяснения мира и экзистенциальной организации своей жизни, человек руководствуется не только достоверностью той или иной гипотезы, но и тем, в поле какой идеи ему приятнее себя ощущать или возможно полнее реализовать себя как человека, какой принцип устройства мира кажется ему более разумным или справедливым.

При этом каждая из названных парадигм формирует свой мир, своего человека, предлагает свою космогоническую версию, свое понимание Абсолюта, сотворившего бытие из небытия (Бог, Идея, Мировой разум, Космос, Большой взрыв и т.д.). В парадигме с Богом, например, человеческое творчество существует как синергичная с Богом деятельность, и пока человек следует этому правилу совместно-согласного действия, творчество его является безусловно положительным поведением. Это в общем очень «домашняя», земная и экологичная парадигма. Следует отметить, что хотя христианство со временем утратило некоторые сакральные аспекты своего содержания, однако оно, во-первых, по-прежнему руководствуется неизменными христианскими ценностями, во-вторых, став как бы более человеческим, оно не возлагает ответственность за судьбу мира целиком на Бога, но призывает человека в полной мере и самому нести эту ответственность. В плане творчества и возможных последствий твор-

ческих новаций (например, открытий в науке), которые могут оказаться губительными для человечества, данная парадигма представляется этической и гуманистичной.

В первой и третьей парадигмах творчество предполагается безграничным. Но в четвертой парадигме оно должно согласовываться с порядком космоса, и только человек, постигший этот порядок, способен создать истинную ценность. Постигнув порядок космоса, человек отказывается от своей субъективности, недаром на Востоке считается, что в реальности не существует разделения мира на субъекта (человека) и объект (остальной мир); это разделение порождено лишь пагубной для человека привязанностью к своему индивидуальному «я». На самом же деле субъект и объект неразделимы. По мере осознания этого, т.е. приближения к идеальному сознанию, личность освобождается от иллюзий своего «я» и сливается с объектом своего восприятия.

Как мы помним, в первой парадигме, парадигме без Бога, человек в своем творческом порыве не ограничен ничем. Это, с одной стороны, весьма волюнтаристская парадигма, ибо человек в ней может проявить не только свободу, но и своеволие; с другой стороны, это и столь же суровая парадигма, ибо в случае ошибки человек должен за всё отвечать только сам, ни от кого не ожидая снисхождения, не рассчитывая на своего рода индугенцию в виде отпущения грехов за принесенное покаяние. Эта парадигма космична по своему смыслу, она включает человека в общий космический порядок, в равной мере предполагающий и закономерность, и случайность его бытия в бытии Космоса. Это, в свою очередь, означает не только ответственность, но и прагматичность поведения действующего в нем обладателя сознания, который по необходимости должен быть требователен к собственной рациональности. В данной парадигме человек должен постоянно соотноситься с окружающей его объективной действительностью, которая для него есть и точка отсчета, и система соотнесения. Как достигнуть понимания, если участники общения живут в разных реальностях, что усложняет для них возможность диалога, коммуникации? И только признание единой для всех объективной действительности позволяет понимать и эффективно взаимодействовать.

Это реалистическая парадигма, которая предполагает «реабилитацию» объективной реальности, как бы ни усложнились субъективные миры отдельных участников взаимодействия.

Чисто теоретически все названные парадигмы (не исключено, что их можно выделить гораздо больше) равновозможны. Ясно, что одновременное «проигрывание» всех этих вариантов космогоний осуществимо лишь в уме человека. Силой своего творческого воображения он способен вызвать к жизни существование целых миров, которые размещаются в «пространстве» его воображения. При этом можно сказать, что все приведенные парадигмы по-своему целостны, логичны и непротиворечивы. Если считать иррациональной веру в Бога, то не менее иррациональна, фактически, и наша вера в однолинейный процесс весьма небезупречной эволюции, которую «начала» обезьяна.

Но как бы ни представлял себе Бога человек — как Верховный компьютер или Великий программист, как Вселенский Разум или вполне домашнего Бога Земли, он всегда остается неуспокоенным, даже в своих молитвах просит что-то изменить в том, что ему суждено и предопределено, он хочет сам быть творцом своей жизни. Человеческая жизнь — это, по сути, тот материал для творчества, который есть у каждого, и человеку нужно, чтобы и его «душа могла осуществить свою надежду».

Мы видим, что в творчестве всех этих парадигм человек стремится объяснить себя, ибо без знания о себе всё создаваемое им оказывается равно и истинным, и ложным. Человеку необходимо знать, и эта необходимость становится всё настоятельнее, выражаясь в творчестве новых парадигм, — как и почему он таков? Что сделало его способным выжить, развиваться, построить культуру?